
Катерина Волк
Академия тех, кого не существует
Книга первая

Катерина Волк

Академия тех, кого не существует

https://litres.ru/74911513
SelfPub; 2026

Аннотация

Лиана Вейр всегда знала, что с ней что-то не так. Люди забывают её лицо, фотографии исчезают, а записи с её именем бесследно пропадают.

Однажды девушка узнаёт о существовании Академии, где учатся те, кого мир стёр из памяти. Здесь хранятся опасные секреты, запрещённая магия и ответы на вопросы, которые лучше не задавать.

Но встреча с загадочным Кайденом Рэйвеном меняет всё. Между ними возникает чувство, которому, возможно, не суждено выжить.

Кто-то переписывает историю. И Лиана может оказаться следующей, кого забудет весь мир.

Содержание

Пролог 4
Глава 2 30
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Катерина Волк
Академия тех, кого не существует

Пролог

Девочка, которую нельзя было записывать

В семь лет я впервые узнала, что память может убивать.

Тогда я ещё не понимала, почему мама запирает входную дверь на три замка, почему по вечерам зашторивает окна и почему никогда не разрешает мне фотографироваться. Я думала, что всё это обычные мамины странности. У каждого взрослого ведь есть свои причуды.

Например, мама боялась грозы. Моя учительница боялась мышей. А мама боялась, что однажды меня перестанут помнить.

В тот вечер дождь начался ещё до ужина. Он стучал по подоконнику, стекал по стеклу длинными кривыми дорожками и превращал огни соседних домов в размытые жёлтые пятна.

Я сидела на кухне и раскрашивала картинку. На ней была нарисована девочка в красном платье, держащая за руку женщину с длинными волосами.

— Мам, а почему у меня нет фотографий из детства?

Мама стояла у плиты. Услышав вопрос, она на мгновение замерла.

— Есть.

— Нет. Я смотрела в коробке. Там только две фотографии.

— Значит, остальные потерялись.

— Но почему на одной из них я одна, а на другой вообще не я?

Мама выключила плиту.

Она медленно повернулась ко мне. В её глазах было что-то такое, чего я раньше не замечала. Не злость, не удивление и даже не страх. Скорее усталость человека, который слишком долго ждал неприятностей и наконец дождался.

— Лиана, подойди ко мне.

Я слезла со стула.

Мама опустилась на колени, поправила мне волосы и взяла мои ладони в свои.

— Послушай меня внимательно. Ты уже достаточно взрослая, чтобы запомнить несколько вещей.

— Я и так всё запоминаю.

— Я знаю, солнышко.

Она улыбнулась, но улыбка получилась неправильной. Слишком натянутой.

— Первое: никогда не говори незнакомцам своё полное имя.

— Почему?

— Потому что не каждому нужно его знать.

— Второе?

Мама посмотрела на дверь кухни.

— Если однажды ты встретишь человека, который скажет, что никогда тебя не видел, не верь ему.

Я нахмурилась.

— Но если он меня не видел, как он может меня помнить?

— Именно поэтому не верь.

Я хотела спросить ещё что-нибудь, но в дверь постучали.

Три раза.

Не громко. Даже вежливо.

Мама побледнела.

Я никогда прежде не видела, чтобы она так реагировала на обычный стук. Она поднялась, быстро убрала с кухонного стола рисунок и схватила меня за плечи.

— Иди в свою комнату.

— Кто пришёл?

— Лиана, сейчас же.

Я послушалась, но не ушла далеко. Встала в коридоре за приоткрытой дверью и выглянула.

Мама подошла к входной двери, но не открыла её.

— Ты опоздал, — сказала она.

За дверью раздался мужской голос:

— Я пришёл за девочкой.

— Ты не получишь её.

— Алира, не заставляй меня делать это здесь.

Я не знала, кто такой Алира. Но знала, что так маму называли только в редких случаях — когда она разговаривала по телефону с женщиной из другого города.

— Здесь никого нет, — ответила мама.

— Не лги мне.

Мужчина говорил спокойно. Даже слишком спокойно. В его голосе не было угрозы, и от этого становилось страшнее.

— Она не должна была родиться, — продолжил он. — Ты знала условия.

— Она ребёнок.

— Она ошибка.

Мама положила ладонь на дверь.

— Если ты сделаешь хоть шаг…

— Ты уже однажды нарушила правила. Неужели хочешь повторить?

Молчание.

Я увидела, как мама закрыла глаза.

А потом она сказала:

— Я предпочту повторить.

Что-то глухо ударило в дверь.

Я вскрикнула.

Мама обернулась. Наши взгляды встретились, и она одним движением оказалась рядом со мной.

— В комнату. Под кровать. И что бы ты ни услышала, не выходи.

— Мам…

— Лиана, я люблю тебя.

Она произнесла это так, словно прощалась.

Я хотела обнять её, но мама уже толкнула меня в сторону комнаты.

Я забралась под кровать и закрыла рот ладонями.

Сначала я услышала скрип входной двери.

Потом мужской голос:

— Где она?

— Ушла.

— Ты понимаешь, что произойдёт?

— Да.

— Тогда назови её имя.

Мама ничего не ответила.

— Алира. Назови имя девочки.

Раздался звук, похожий на шелест огромного количества страниц. Будто кто-то одновременно перелистывал сотни книг в соседней комнате.

Я выглянула из-под кровати.

Мама стояла посреди коридора. Мужчина напротив неё был высоким, худым, в тёмном пальто. Я не могла рассмотреть его лицо, потому что оно словно расплывалось в воздухе. Не как у человека в тумане, а как отражение в воде, по которой провели пальцем.

В руке он держал тонкую чёрную книгу.

На обложке не было названия.

— Ты не можешь удерживать её вечно, — сказал он.

— Мне и не нужно вечно. Мне нужно, чтобы она успела вырасти.

— Она уничтожит всё, что мы создали.

— Может быть, это и нужно.

Мужчина открыл книгу.

Мама вдруг пошатнулась. Её пальцы сжались, словно она пыталась удержать что-то невидимое.

— Не смей, — прошептала она.

— Ты сама выбрала.

Мужчина коснулся страницы.

И мама исчезла.

Не вспыхнула, не растворилась в дыму. Она просто перестала быть.

Сначала исчезли её руки. Потом плечи. Потом лицо.

В последнюю секунду она посмотрела прямо на меня.

Я увидела, как шевельнулись её губы.

«Помни».

А потом на её месте остался пустой коридор.

Я выбежала из комнаты.

— Мама!

Никто не ответил.

Я обыскала кухню, спальню, ванную. Заглянула в шкаф, на балкон, даже под стол. Маминого пальто не было. Её чашка исчезла. Исчезли тапочки у кровати и фотография на тумбочке.

Я позвонила ей.

Телефон лежал на кухонном столе.

Тогда я набрала номер соседки.

— Алло? — сонно ответила женщина.

— Тётя Нина, мама пропала.

— Какая мама, деточка?

— Моя! Алира!

На другом конце повисла пауза.

— Лиана, ты одна дома?

— Да. Но мама…

— Подожди. Ты же живёшь одна.

Я посмотрела на дверь спальни.

— Нет.

— Милая, я знаю тебя с прошлого года. Твоя мама умерла, когда ты была совсем маленькой.

— Нет!

Я бросила телефон.

В квартире стало очень тихо.

Я побежала к шкафу и достала коробку с фотографиями. Там была только одна фотография: я стояла на берегу моря, щурилась от солнца и держала в руках красное ведёрко.

На заднем плане никого не было.

Но я точно помнила, что мама фотографировала меня.

Я помнила её смех.

Помнила запах её волос.

Помнила, как она читала мне перед сном.

Я помнила всё.

И всё же мир утверждал, что её никогда не существовало.

В ту ночь я не спала. Сидела на полу в прихожей, обняв колени, и смотрела на входную дверь.

Под утро на коврике что-то зашуршало.

Я открыла дверь.

На пороге лежала маленькая белая карточка.

На ней было написано всего одно слово:

Лиана.

Я подняла её.

Буквы медленно проступили на обратной стороне.

Тебя тоже скоро забудут.

ГЛАВА 1

Девушка, которую забывают

Одиннадцать лет спустя я научилась не плакать, когда люди забывали моё имя.

Не сразу, конечно.

Сначала я пыталась объяснять. Показывала документы, фотографии, старые сообщения. Звонила знакомым и напоминала, где мы познакомились, что вместе делали и какие секреты друг другу рассказывали.

Иногда это помогало.

Чаще — нет.

Люди смотрели на меня с неловкой жалостью, словно я была сумасшедшей, которая перепутала собственную жизнь с чужой.

В восемнадцать лет я перестала доказывать очевидное.

Если человек меня не помнил, я просто уходила.

Это было проще, чем наблюдать, как в его глазах появляется страх.

В тот день всё началось с чашки кофе.

— Лиан, ты опять взяла мой сахар?

Я подняла голову.

Софи стояла у стойки кофейни, держа в руках два стакана. На ней было светлое пальто, волосы собраны в небрежный пучок, а на щеке виднелась маленькая капля тонального крема, которую она, как обычно, не заметила.

Мы познакомились два года назад в книжном магазине. Она тогда уронила стопку книг, я помогла собрать их, и мы разговорились. Потом вместе готовились к экзаменам, гуляли по набережной, обсуждали парней и смотрели старые фильмы.

По крайней мере, я всё это помнила.

— Я не брала твой сахар, — ответила я.

Софи прищурилась.

— А кто тогда?

— Может, бариста?

— Очень смешно.

Она поставила стаканы на стойку и достала из сумки телефон.

— Слушай, я тебе вчера отправляла сообщение. Ты видела?

— Нет. Какое?

— Да я уже не помню. Что-то важное.

Она открыла переписку, провела пальцем по экрану и нахмурилась.

— Странно.

— Что?

— Здесь нет нашего чата.

Я почувствовала, как внутри что-то неприятно сжалось.

— Как нет?

— Ну вот. Есть мама, работа, Даша, группа университета… А тебя нет.

— Может, ты удалила?

Софи подняла глаза.

— Кого?

Я медленно выдохнула.

— Меня.

Она рассмеялась.

— Лиана, не начинай.

Но смех быстро исчез.

— Подожди. Мы знакомы?

В кофейне стало слишком шумно.

Кто-то за соседним столиком смеялся. Бариста громко назвал номер заказа. За окном проехал автобус, обдав тротуар грязной водой.

Я смотрела на Софи.

— Ты серьёзно?

— Извини. Я… Мне кажется, я тебя где-то видела.

— Мы вместе были на море прошлым летом.

— Я не ездила на море прошлым летом.

— Ездила. В Сочи. Ты ещё потеряла там телефон, и мы искали его два часа.

— Нет, я была у родителей.

— Ты присылала мне фотографии.

— Кому?

Я достала телефон.

Руки дрожали, но я открыла галерею. Нашла снимок: мы с Софи стояли на набережной. У неё были растрёпанные волосы, на носу краснела полоска от солнца, а я показывала в камеру два пальца.

— Вот.

Софи взяла телефон.

Долго смотрела.

— Это… странно.

— Что?

— Я знаю это место.

— Конечно знаешь. Мы там были.

— Но я не помню тебя.

Она вернула телефон.

На фотографии её рука лежала на пустом воздухе.

Меня не было.

Я смотрела на экран, пока изображение не потемнело.

— Ты плохо себя чувствуешь? — осторожно спросила Со-

фи.

— Нет.

— Может, тебе стоит обратиться к врачу?

— Софи, посмотри на меня.

Она посмотрела.

— Ты знаешь, как меня зовут?

Девушка нахмурилась.

— Ты сказала…

— Нет. До этого. Ты знала?

Софи открыла рот, но не ответила.

Я забрала телефон.

— Забудь.

— Подожди, пожалуйста…

Но я уже шла к выходу.

На улице было холодно. Ноябрьский ветер пробирался под воротник куртки, а серое небо обещало снег, который так и не решался начаться.

Я остановилась у витрины соседнего магазина и посмотрела на своё отражение.

Тёмно-каштановые волосы до лопаток. Серо-зелёные глаза. Бледная кожа. Небольшой шрам над левой бровью — память о падении с велосипеда в детстве.

Я выглядела совершенно обычно.

И это было самым странным.

Потому что иногда мне казалось, что я не совсем человек.

Я достала из кармана старую белую карточку. Ту самую,

найденную одиннадцать лет назад.

Она давно пожелтела по краям. Чернила почти выцвели, но надпись всё ещё можно было прочитать:

Тебя тоже скоро забудут.

Я носила её с собой не потому, что надеялась найти ответ. Просто это была единственная вещь, которая связывала меня с той ночью.

Карточка иногда становилась тёплой.

Сегодня она была горячей.

Я сунула её обратно в карман и направилась домой.

Квартира встретила меня привычной тишиной.

Я жила одна с семнадцати лет. Сначала меня приютила дальняя родственница, но через несколько месяцев она перестала узнавать меня. После этого я сняла маленькую комнату у пожилой женщины, которая принимала деньги вперёд и не задавала вопросов.

Сейчас у меня была собственная однокомнатная квартира на окраине города. Небольшая, с облупившейся краской на кухне и батареей, которая стучала по ночам. Но зато здесь никто не мог сказать, что я ему не знакома.

Я сняла куртку, поставила чайник и достала из сумки тетрадь.

На первой странице крупными буквами было написано:

Я СУЩЕСТВУЮ.

Под этой фразой шли даты, имена и события.

Я записывала всё, что боялась потерять.

11 ноября. Софи перестала меня помнить.

12 ноября. Мама любила чай с бергамотом.

13 ноября. У меня серо-зелёные глаза. Я не похожа на папу. Папы я никогда не знала.

14 ноября. Если кто-то скажет, что меня не существует, это неправда.

Я перевернула страницу и добавила:

15 ноября. Я помню маму.

Потом закрыла тетрадь.

Чайник щёлкнул.

Я налила кипяток в кружку и достала из шкафа банку с печеньем. На дне лежал маленький серебряный кулон в форме пера. Мама подарила его мне на шестой день рождения.

Я не помнила самого праздника. Только её руки, запах ванили и слова:

— Когда-нибудь ты поймёшь, почему он должен быть у тебя.

Я надела кулон.

В дверь постучали.

Я замерла.

Стук повторился.

Три раза.

У меня похолодели пальцы.

Одиннадцать лет назад точно так же стучали в нашу дверь.

Я подошла к глазку.

На площадке стояла женщина лет пятидесяти. Строгий

тёмный костюм, собранные в гладкий узел волосы, тонкая оправа очков. В одной руке она держала чёрный зонт, хотя дождь давно закончился. В другой — плотный конверт.

— Кто там? — спросила я.

— Валерия Морн.

— Я вас не знаю.

— Это не мешает нам быть знакомыми.

Я не открыла.

— Что вам нужно?

— Поговорить о вашей матери.

Сердце ударило так сильно, что я на секунду перестала слышать всё остальное.

— Вы знали её?

— Лучше, чем следовало.

— Тогда докажите.

Женщина посмотрела прямо в глазок.

— В семь лет вы спрятались под кроватью, когда в вашу квартиру пришёл Люциан Вейн. В ту ночь ваша мать исчезла. Перед этим она сказала вам не верить человеку, который утверждает, что никогда вас не видел.

Я отступила от двери.

— Кто вы?

— Человек, который может объяснить, что произошло.

— И почему вы не пришли раньше?

— Потому что раньше вы бы не смогли попасть туда, куда я вас собираюсь отправить.

— Куда?

— В Академию последней записи.

Я почти рассмеялась.

Это было бы смешно, если бы женщина не назвала имя человека, которого я помнила только из той ночи.

— Вы сумасшедшая.

— Возможно. Но у меня есть письмо, которое ваша мать оставила для вас.

— Покажите.

Женщина просунула конверт под дверь.

Я подняла его.

На лицевой стороне было написано моё имя.

Не просто «Лиана», а полностью:

Лиана Вейр.

Я не видела своей фамилии в таком написании много лет.

На обороте стояла печать: круг, перечёркнутый тонкой линией, и маленькое перо в центре.

Я вскрыла конверт.

Внутри лежал лист плотной бумаги.

Моя дорогая девочка.

Если ты читаешь это письмо, значит, я не смогла вернуться.

Не ищи меня в обычном мире. Там меня больше нет.

Найди остров Эйрхольм. Он не отмечен ни на одной карте, но ты узнаешь его, когда увидишь.

Не доверяй Ордену.

Не позволяй им записать твоё имя.

И, пожалуйста, Лиана, если встретишь Кайдена Рэйвена, не пытайся вспомнить, кем он был для тебя.

Он опаснее всех, кого ты когда-либо встречала.

Но, возможно, он единственный, кто сможет тебя спасти.

Мама.

Я перечитала письмо.

Потом ещё раз.

— Кто такой Кайден Рэйвен? — спросила я, не открывая дверь.

За ней стало тихо.

— Вы уже встречались, — ответила Валерия.

— Нет.

— Встречались.

— Я бы помнила.

— В этом и проблема, Лиана.

Я прижала письмо к груди.

— Что со мной происходит?

Женщина долго молчала.

— Вас постепенно стирают из памяти мира.

— Кто?

— Те, кто боится того, что вы можете сделать.

— Что я могу сделать?

— Вернуть тех, кого они вычеркнули.

Я почувствовала, как кулон на шее нагрелся.

— А если я не поеду?

— Тогда однажды вы проснётесь и не сможете вспомнить даже собственное имя.

— А вы?

— Что я?

— Вы меня забудете?

Валерия ответила не сразу.

— Я уже однажды пыталась.

Я собрала вещи за двадцать минут.

На самом деле собирать было почти нечего: две пары джинсов, свитер, несколько футболок, документы, тетрадь с записями и фотография, на которой я ещё помнила маму.

Потом я остановилась у зеркала.

— Ты существуешь, — сказала я своему отражению.

Отражение не ответило.

Я отвернулась.

Валерия ждала на лестничной площадке.

— Готовы?

— Нет.

— Хорошо. Значит, ещё не потеряли способность здраво оценивать опасность.

Мы спустились вниз.

У подъезда стоял чёрный автомобиль. Водитель не вышел, когда мы подошли. Валерия открыла заднюю дверь и жестом предложила мне сесть.

— Куда мы едем?

— На вокзал.

— А потом?

— На север.

— Сколько?

— Достаточно долго, чтобы вы успели передумать.

Я села.

Автомобиль тронулся.

Город постепенно исчезал за окном. Сначала знакомые дома, потом торговые центры, затем редкие деревья и пустые остановки. Я смотрела на своё отражение в стекле и думала о матери.

О её голосе.

О руках.

О том, как она исчезла, оставив меня одну.

— Валерия?

— Да.

— Моя мать была плохим человеком?

Женщина повернулась ко мне.

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что вы сказали, что она нарушила правила. И потому что человек, который приходил за мной, сказал, что я не должна была родиться.

Валерия сняла очки и протёрла их платком.

— Ваша мать совершила много ошибок.

— Каких?

— Но ни одна из них не была связана с тем, что она лю-

била вас.

Я отвернулась к окну.

Мне хотелось верить ей.

Но я уже слишком хорошо знала, что любовь не всегда спасает.

На вокзале нас никто не встречал.

Валерия провела меня через главный зал, мимо касс и табло отправлений. Мы свернули в коридор, который я раньше не замечала. Он заканчивался старой дверью с табличкой «Служебное помещение».

— Здесь? — спросила я.

— Здесь.

Она достала из кармана небольшой латунный ключ.

В замочной скважине повернулась не одна, а трижды.

За дверью оказался узкий зал, освещённый тусклыми лампами. На стене висели старые часы без стрелок. В центре стоял стол, а за ним сидел мужчина в сером жилете.

Он поднял голову.

— Валерия.

— Мы опаздываем.

— Поезд уже ждёт.

Я посмотрела на него.

— Какой поезд?

Мужчина перевёл взгляд на меня.

— Новый пассажир?

— Лиана Вейр.

Он замер.

Совсем ненадолго, но я заметила.

— Её не должно быть в списке.

— Я знаю.

— Тогда зачем вы…

— Откройте путь, — резко сказала Валерия.

Мужчина поднялся.

Он подошёл к стене и приложил ладонь к часам.

Стрелки появились из ниоткуда.

Сначала одна, потом другая.

Они начали вращаться против часовой стрелки.

В дальнем конце зала раздался металлический грохот.

Там, где секунду назад была глухая стена, возникла дверь вагона.

Я невольно отступила.

— Что это?

— Поезд до Эйрхольма, — ответила Валерия.

— Но здесь нет железной дороги.

— В обычном мире — нет.

Двери вагона разошлись.

Внутри горел тёплый свет. За окнами мелькали тёмные силуэты деревьев, хотя поезд ещё стоял.

На ступеньках появилась девушка примерно моего возраста. Рыжие волосы были собраны в высокий хвост, на плече висел огромный рюкзак.

Она посмотрела на Валерию, потом на меня.

— Новенькая?

— Да, — ответила директор.

— Поздравляю. У тебя ужасное чувство времени.

— Мы только приехали.

— Все так говорят.

Девушка спрыгнула на платформу и протянула мне руку.

— Мира Солейн. Первый год. Профессионально опаздываю, нарушаю правила и делаю вид, что понимаю расписание занятий.

Я осторожно пожала её ладонь.

— Лиана.

Мира улыбнулась.

— Приятно познакомиться.

И в этот момент я почувствовала странное облегчение.

Она знала моё имя.

Пока знала.

Я поднялась в вагон.

Внутри было больше людей, чем я ожидала. Несколько подростков сидели у окон, кто-то читал толстую книгу, двое парней спорили о чём-то шёпотом. У всех на одежде был одинаковый знак — перечёркнутый круг с пером.

Я выбрала свободное место возле окна.

Мира устроилась напротив.

— Ты откуда?

— Из города.

— Очень содержательно.

— А ты?

— Из места, которого больше нет.

Я посмотрела на неё.

Мира пожала плечами.

— Привыкнешь. Здесь все откуда-нибудь исчезли.

Поезд дёрнулся.

Я схватилась за подлокотник.

За окном вместо платформы появилась густая темнота.

— Мы куда-то едем? — спросила я.

— Обычно это и происходит, когда поезд трогается, — заметила Мира.

Я не ответила.

Вагон наполнялся тихими разговорами, стуком колёс и шелестом страниц. Через несколько минут Мира достала из рюкзака яблоко и протянула мне.

— Будешь?

— Спасибо.

— Не бойся. Здесь не принято есть новичков.

— Обнадёживает.

— А вот забывать их — иногда принято.

Она произнесла это с улыбкой, но я почему-то не улыбнулась.

Мира заметила.

— Извини. Неудачная шутка.

— Почему ты сказала, что все здесь исчезли?

Она посмотрела на окно.

— Потому что нас нет в Книге.

— В какой книге?

Мира открыла рот, собираясь ответить, но в этот момент поезд резко затормозил.

Все пассажиры одновременно подняли головы.

В конце вагона погас свет.

Кто-то выругался.

Дверь купе медленно открылась.

На пороге стоял парень.

Высокий, худощавый, с чёрными волосами, падающими на лоб. Его тёмно-синие глаза казались почти чёрными в полумраке.

Он посмотрел на меня.

И замер.

Я не знала его.

Но по тому, как изменилось его лицо, поняла: он знал меня.

— Лиана, — произнёс он.

В вагоне стало тихо.

Мира перестала жевать яблоко.

— Кайден, — сказала она. — Ты чего?

Парень не отводил от меня взгляда.

— Ты не должна была приезжать.

Я поднялась.

— Мы знакомы?

На его лице мелькнуло что-то похожее на боль.

Он быстро спрятал это выражение за холодной усмешкой.

— Нет.

— Тогда откуда ты знаешь моё имя?

Кайден посмотрел на мою ладонь.

Я проследила за его взглядом.

На коже проступили тонкие чёрные линии. Они складывались в буквы.

НЕ ВСПОМИНАЙ МЕНЯ.

Я резко сжала пальцы.

Когда снова подняла глаза, Кайден уже уходил.

— Эй! — крикнула я. — Подожди!

Он остановился у двери, не оборачиваясь.

— Держись подальше от западного крыла, Вейр.

— Почему?

— Потому что там лежит всё, что ты потеряла.

Он вышел.

Поезд снова тронулся.

Мира медленно положила яблоко на столик.

— Ну вот, — пробормотала она.

— Что?

— Похоже, у тебя будут проблемы.

Я посмотрела на дверь, за которой исчез Кайден Рэйвен.

Впервые за одиннадцать лет кто-то назвал меня по имени так, словно помнил не только моё лицо, но и что-то гораздо более важное.

И впервые мне стало страшно не оттого, что меня забудут.

А оттого, что кто-то может помнить меня слишком хорошо.

Глава 2

Последний вечер

Поезд шёл уже несколько часов, хотя за окном по-прежнему была ночь.

Я пыталась смотреть на пейзаж, но там почти ничего не менялось. Иногда в темноте возникали редкие огни, похожие на окна далёких домов. Иногда мелькали деревья с белыми стволами. Один раз я увидела человека, стоявшего посреди поля. Он не двигался и смотрел прямо на поезд.

Когда мы проехали мимо, я обернулась.

Человек исчез.

— Не советую разглядывать то, что остаётся за окнами, — сказала Мира.

Она лежала на сиденье, подложив под голову рюкзак, и листала какую-то потрёпанную книжку.

— Почему?

— Потому что иногда оно замечает, что ты смотришь.

— Очень успокаивающее объяснение.

— Я стараюсь.

Я отвернулась от окна.

После встречи с Кайденом мне хотелось получить ответы. Но Мира явно не собиралась рассказывать больше необходимого. На каждый мой вопрос она отвечала шуткой, меняла тему или делала вид, что не услышала.

— Ты давно знаешь Кайдена? — спросила я.

— Достаточно.

— Он всегда такой?

— Какой?

— Будто все вокруг ему что-то должны.

Мира хмыкнула.

— Нет. Иногда он бывает ещё хуже.

— Почему он назвал меня по имени?

— Наверное, прочитал на билете.

— У нас нет билетов.

— Тогда угадал.

— Мира.

Она закрыла книгу.

— Ладно. Кайден Рэйвен — старшекурсник. Один из лучших учеников Академии. Теневик. Слишком умный для собственного блага и слишком красивый для количества проблем, которые создаёт.

— И?

— И ничего.

— Он сказал, что я не должна была приезжать.

— Значит, у него плохое настроение.

— Он смотрел на меня так, будто увидел призрака.

Мира задумалась.

— Может, ты похожа на кого-то.

— На кого?

— Не знаю.

Она снова открыла книгу.

Разговор был окончен.

Я откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. Усталость навалилась неожиданно. В последние дни я почти не спала: сначала Софи, потом Валерия, потом письмо матери, потом этот невозможный поезд.

Но стоило мне задремать, как я услышала шёпот.

— Лиана.

Я открыла глаза.

В купе никого не было, кроме Миры. Она спала, отвернувшись к стене.

— Лиана.

Голос доносился не из вагона. Он звучал внутри моей головы.

Я села.

На противоположном сиденье лежала маленькая белая карточка.

Та самая, которую я оставила дома.

Я протянула руку, но карточка отодвинулась.

На ней проступили новые слова:

Ты забыла обещание.

Я почувствовала, как холодеют пальцы.

— Какое обещание?

Карточка перевернулась.

На обратной стороне появилась ещё одна строка:

Не открывай тринадцатую дверь.

Вагон качнуло.

Карточка исчезла.

Я вскочила и осмотрела сиденье, пол, пространство под столиком. Ничего.

— Ты чего? — сонно спросила Мира.

— Здесь была карточка.

— Какая?

— Белая. С надписью.

— Лиана, ты спала.

— Нет.

— Бывает. В дороге снятся странные вещи.

Я посмотрела на неё.

— Ты когда-нибудь видела, чтобы предметы появлялись из ниоткуда?

Мира медленно села.

— Иногда.

— И?

— Обычно это плохой знак.

Она встала, подошла к двери и выглянула в коридор.

— Нам пора.

— Куда?

— Скоро станция.

Станция Эйрхольма оказалась совсем не похожа на обычный вокзал.

Она была построена из тёмного камня и напоминала старинную часовню. Высокие арки уходили в потолок, который

терялся в полумраке. На стенах горели фонари с синим стеклом.

За окнами виднелось море.

Чёрное, неподвижное, с редкими серебристыми полосами на поверхности.

Я вышла из вагона и остановилась.

На горизонте поднимались горы. Между ними, на высоком скалистом острове, стояло огромное здание с башнями, острыми крышами и десятками светящихся окон.

Академия.

Даже отсюда она казалась древней и величественной.

— Красиво, да? — спросила Мира.

— Похоже на замок из сказки.

— Только в сказках замки обычно безопаснее.

На платформе стояла группа учеников. Кто-то обнимался после каникул, кто-то ругался из-за потерянного багажа. Несколько человек сразу направились к выходу.

У стены я заметила Кайдена.

Он разговаривал с высоким светловолосым парнем. Тот что-то рассказывал, активно жестикулируя, а Кайден слушал с таким выражением лица, будто его заставили присутствовать на скучной лекции.

— Это Тео, — сказала Мира, заметив мой взгляд. — А рядом с ним, разумеется, Кайден.

— Они друзья?

— К сожалению, да.

Светловолосый парень вдруг повернулся и увидел нас.

Он улыбнулся.

— Мира!

— Тео, если ты снова потерял ключи от комнаты, я тебя не спасу.

— Я их не потерял. Я их временно не обнаруживаю.

— Это называется потерял.

Тео подошёл ближе.

— А это кто?

— Лиана Вейр. Новенькая.

Он протянул руку.

— Тео Марш. Писарь. Не пугайся, я не записываю чужие тайны. По крайней мере, без разрешения.

— А если с разрешения?

— Тогда беру двойную плату.

Я улыбнулась.

Впервые за долгое время мне стало немного легче.

— Не слушай его, — сказала Мира. — Он способен продать собственную тень, если ему предложат хорошую цену.

— Тень у меня уже есть, — заметил Тео. — И, между прочим, она очень преданная.

Он посмотрел на Кайдена.

— В отличие от некоторых людей.

Кайден даже не повернул головы.

— Продолжай говорить, Марш. Может быть, однажды у тебя получится сказать что-нибудь умное.

— Вот видишь? — Тео развёл руками. — Настоящая дружба.

Кайден наконец посмотрел на меня.

— Валерия уже ждёт.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что она всегда ждёт тех, кто доставляет неприятности.

— Тогда ей придётся долго ждать, — ответила я.

Мира тихо присвистнула.

Тео улыбнулся шире.

Кайден посмотрел на меня несколько секунд, потом отвернулся.

— Пойдёмте.

До Академии мы добирались на небольших экипажах, которые двигались по узкой каменной дороге вдоль обрыва.

Море находилось так близко, что я слышала, как волны ударяются о скалы. Ветер приносил запах соли и водорослей.

На дороге не было ни одного фонаря.

И всё же мы прекрасно видели путь.

Камни светились изнутри слабым голубоватым светом. Иногда под колёсами вспыхивали золотые искры, словно сама дорога реагировала на наше присутствие.

— Это магия? — спросила я.

— Скорее привычка, — ответила Мира. — Остров не любит темноту.

— А почему?

— Потому что здесь слишком много того, что живёт в темноте.

Тео, сидевший напротив, наклонился ко мне.

— Не слушай её. Она любит пугать новичков.

— Я не пугаю. Я предупреждаю.

— Вот именно. Это намного хуже.

Кайден сидел рядом с водителем. Он не участвовал в разговоре, но я чувствовала, что он слышит каждое слово.

— Ты давно здесь учишься? — спросила я Тео.

— Третий год.

— И тебе нравится?

Он задумался.

— Мне нравится библиотека. Нравится еда. Нравится, что здесь можно не объяснять людям, почему тебя никто не помнит.

— А что не нравится?

— Экзамены. Директор. Запретные коридоры. Некоторые преподаватели. Некоторые ученики.

— То есть почти всё?

— Я не сказал, что не люблю Академию. Просто у неё ужасный характер.

Мира рассмеялась.

Экипаж поднялся на последний поворот.

Академия оказалась ещё больше, чем казалась с вокзала.

Главное здание было сложено из серого камня. Центральная башня возвышалась над остальными, а на её вершине

находились огромные часы с циферблатом без цифр. По обе стороны располагались корпуса, соединённые крытыми переходами.

Перед входом стояли две каменные статуи.

Одна изображала женщину с раскрытой книгой.

Вторая — человека без лица.

Я задержала на нём взгляд.

— Кто это? — спросила я.

— Первый Хранитель, — ответил Тео.

— А почему у него нет лица?

— Потому что никто не знает, как он выглядел.

— Или потому что его вычеркнули, — тихо произнёс Кайден.

Я повернулась к нему.

Он уже смотрел на статую.

В холле Академии пахло воском, старой бумагой и чем-то металлическим.

Под потолком висели десятки люстр. На стенах располагались портреты людей в старинной одежде. Некоторые портреты были пустыми.

У входа нас встретила Валерия Морн.

Она стояла на верхней ступени широкой лестницы, сложив руки перед собой.

— Добро пожаловать в Академию последней записи.

Её голос был негромким, но разговоры сразу стихли.

— Здесь вы научитесь понимать природу собственного су-

ществования. Вы узнаете, почему оказались на острове и какую цену приходится платить за право оставаться собой.

Она обвела взглядом учеников.

— Многие из вас пришли сюда после того, как мир отвернулся от них. Некоторые были забыты семьями. Другие потеряли имена. Есть и те, кого никогда не существовало официально.

Её взгляд остановился на мне.

— Но Академия не обещает вам счастья. Она не обещает, что вы вернётесь домой. И уж точно не обещает, что вы останетесь прежними.

Кто-то в толпе нервно засмеялся.

Валерия не улыбнулась.

— У каждого из вас будет возможность начать заново. Но запомните: здесь нельзя менять прошлое без последствий. Нельзя пользоваться чужими именами. Нельзя входить в западное крыло после полуночи. И нельзя открывать двери, которых нет на плане Академии.

Я вспомнила карточку в поезде.

Не открывай тринадцатую дверь.

Валерия продолжила:

— Нарушение любого из этих правил может привести к отчислению.

— А если нарушить все сразу? — негромко спросил Тео.

Мира ткнула его локтем.

— Замолчи.

— Тогда вас ждёт нечто хуже отчисления, — ответила директор.

Она будто услышала его.

— Теперь прошу следовать за старостами. Завтра начнутся занятия.

Ученики двинулись к лестнице.

Я осталась на месте.

Валерия спустилась ко мне.

— Лиана.

— Вы знали мою мать.

— Да.

— Что с ней случилось?

— Не здесь.

— Вы обещали объяснить.

— И объясню. Но не сегодня.

— Почему?

Она посмотрела на кулон у меня на шее.

— Потому что некоторые воспоминания опасны, если возвращаются слишком быстро.

Я сжала ладонь.

— Вы всё время говорите загадками.

— Ваша мать тоже любила задавать слишком много вопросов.

— Она была похожа на меня?

На лице Валерии мелькнуло что-то похожее на нежность.

— Больше, чем вы думаете.

Она протянула мне небольшой ключ.

— Ваша комната находится на третьем этаже восточного крыла. Номер двадцать семь. Мира поможет освоиться.

Я взяла ключ.

— А Кайден?

Валерия не изменилась в лице, но её пальцы чуть сильнее сжали перила.

— Что Кайден?

— Он знает меня.

— Возможно.

— Он сказал, что я не должна была приезжать.

— У Кайдена есть причины бояться вашего появления.

— Какие?

— Это вам лучше спросить у него.

— Он не отвечает.

— Тогда придётся научиться задавать правильные вопросы.

Она повернулась и поднялась по лестнице.

Я смотрела ей вслед, пока она не скрылась за дверью.

— Не переживай, — сказала Мира. — Здесь никто не отвечает на вопросы с первого раза.

— А со второго?

— Иногда.

— А с третьего?

— Обычно уже поздно.

Комната двадцать семь оказалась небольшой, но уютной.

Две кровати, два письменных стола, шкаф, окно с видом на море и камин, в котором горел синий огонь.

На одной кровати уже лежали вещи Миры.

— Надеюсь, ты не храпишь, — сказала она, бросая рюкзак на пол.

— Не знаю. Никто не жаловался.

— Значит, либо не храпишь, либо все умерли.

Я поставила сумку возле свободной кровати.

— Здесь всегда так?

— Как?

— Все говорят о смерти так, будто это обычное дело.

Мира пожала плечами.

— Для некоторых из нас это действительно обычное дело.

Она открыла шкаф и достала две кружки.

— Чай?

— Да.

— Отлично. У нас есть чёрный, зелёный и какой-то странный, который Тео привёз из южного корпуса. Я не советую его пить. В прошлый раз он разговаривал со мной до утра.

— Чай?

— Да. И у него были довольно неприятные замечания о моей личной жизни.

Я рассмеялась.

Мира протянула мне кружку.

Некоторое время мы сидели молча.

За окном шумело море.

— Лиана? — наконец спросила она.
— Что?
— Ты действительно не помнишь Кайдена?
Я посмотрела на неё.
— Нет. А должна?
Мира долго вертела кружку в руках.
— Не знаю.
— Он говорил, что мы встречались.
— Я не слышала.
— Но ты видела его лицо.
— Видела.
— Что ты подумала?
Мира поставила кружку на стол.
— Что он очень давно не выглядел таким испуганным.
Я хотела спросить ещё, но в коридоре послышались шаги.
Кто-то остановился возле нашей двери.
Под дверь просунули сложенный лист бумаги.
Мира подняла его.
— Что это?
Она развернула записку.
На листе было всего три слова:
Она приехала снова.
Мира перестала улыбаться.
— Что значит «снова»? — спросила я.
Она быстро сложила записку и спрятала в карман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.